

ВЛАДИМИР ГОФМАН



ДАЛЕКО-ДАЛЕКО ЗА МОРЕМ

РАССКАЗ

Солнце ещё не взошло, когда полковник спустился к морю. Он каждый день по утрам приходил сюда смотреть, как восходит солнце. И почти всегда с ним был мальчик. Они садились на остывшие за ночь камни и молча наблюдали восход. У ног тихо плескалось море.

Сначала край солнца показывался над горой за бухтой, потом появлялся весь диск — красный, ещё не яркий, — он двигался, будто кто-то невидимый вытягивал его из-за горизонта. Казалось, что сейчас он ударится о колокольню католического собора и остановится, но огненный шар плыл дальше и, наконец, выкатывался в чистое небо, зажигал черепичные крыши домов, прятавшихся в соснах, рассыпал блики по водной глади, быстро раскаляясь до белого цвета, так что на него нельзя уже было смотреть. Тогда они уходили.

— От Земли до Солнца — сто пятьдесят миллионов километров, — сказал мальчик.

Полковник усмехнулся. Его давно уже не удивляла эрудиция внука в некоторых совершенно неожиданных вопросах.

— Может быть, ты назовешь спутники Марса? — в шутку спросил он.

— Фобос и Деймос, — не задумываясь, ответил мальчик.

— Откуда ты знаешь это?

ГОФМАН Владимир Николаевич (протоиерей) родился в 1953 году в г. Городце Нижегородской области. Окончил историко-филологический факультет Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского и Московскую Духовную семинарию. Долго работал журналистом. Сейчас — священник Нижегородской епархии Русской Православной Церкви. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

- У меня есть книга, там всё про нашу Вселенную написано.
- Эх ты, *маленький принц!* — полковник легонько щёлкнул его по носу.
- Кто это — маленький принц? — спросил мальчик.
- А-а, вот и не знаешь!
- Не знаю.
- Это такой... инопланетянин.
- С какой планеты?
- У него была своя планета. Я тебе как-нибудь расскажу.

Мальчик кивнул.

Они поднялись по дороге до сосновой рощи, где располагались теннисные корты и площадки для мини-гольфа.

- Подожди, — сказал полковник. — Давай немного постоим.

Он отдышался, взял внука за руку.

— В созвездии Змеи учёные нашли звезду-алмаз, — выдал внук новую порцию знаний.

- Вот как?

— Угу. Вся звезда — алмаз. Представляешь?

- И тебе интересно?

— Что?

— Ну, вот это всё — про звёзды?

— Да.

— А что означают имена Фобос и Деймос, ты знаешь?

На минуту мальчик задумался.

— Страх и Ужас — вот что они значат.

— А почему?

— Не знаю, — признался мальчик.

— Когда-то древние греки верили в разных богов...

— Я знаю подвиги Геракла!

— Ну, вот. Бога войны звали Арес. У него было два сына — Фобос и Деймос, Страх и Ужас. Они всегда сопровождали его, — полковник замолчал. — Война всегда — страх и ужас...

На миг перед глазами полковника мелькнуло распростёртое на земле тело прапорщика Гусейнова с вбитым в открытый рот колом. Мутно-коричневый арык и стрелы камыша за белыми взгорками. Старик-душман, в синей рубахе ниже колен и с итальянским автоматом в руке кричит из-за дувала:

— Командор, инджи био!¹

Моджахеды всех русских офицеров называли командорами. Ну, живым-то я к тебе не выйду! Пули взбивают песок фонтанчиками, глухо ударяют в мёртвое тело старлея Малышева...

Усилием воли он отогнал воспоминание. Страх и ужас. Это точно.

Мальчик слушал, не перебивая, что уже было редкостью. Полковник продолжал:

— В древности люди думали, что всем управляют боги — бог войны, бог ветра, бог моря...

И он ещё долго по дороге в отель рассказывал внуку про олимпийских богов.

У полковника с мальчиком было всего десять дней. Немного. Но и немало. С какой стороны поглядеть. Время — понятие относительное. Учёные утверждают, что в субатомном мире оно вообще идёт назад. К счастью, а может быть, и к несчастью, мы живём в другом мире. У нас время идёт вперёд, причём чем дальше, тем быстрее. В детстве день тянется как год, а в старости — год, как день.

Врачи запретили полковнику путешествия — ишемическая болезнь сердца в стадии обострения, опасность инфаркта миокарда. К тому же подходила очередь на шунтирование, и зав. отделением кардиоцентра, старый знакомый полковника, строго-настрого наказал ему отложить поездку. Но отложить было нельзя. Об этом не знал зав. отделением, об этом знал полковник. И мальчик. Он ещё с зимы готовился к поездке, вернее, к полёту — три

¹ Инджи био! — Иди сюда! (фарси).

с половиной часа на “Боинге 737”. Полковник не мог обмануть внука. Детей нельзя обманывать. Он помнил, как в соседнем доме, когда они с женой и сыном жили в военном городке, выбросилась из окна четырнадцатилетняя девочка, которой отец не купил обещанный магнитофон. Кроме того, полковник с детства был приучен держать слово. Врачи же, по его убеждению, всегда преувеличивают опасность, да и не всё ли им равно, когда он ляжет на операцию? А если уж на то пошло, так им-то он слова не давал!

Дед и внук были друзьями. У деда друзей-ровесников уже не было, а у внука — ещё не было. Старший понимал, что это, в любом случае, ненадолго, и потому ценил то, что имел, а младший об этом просто не думал. Если бы мальчик был как все, возможно, полковник и отложил поездку. В конце концов, он сумел бы объяснить внуку, почему она временно отменяется. Но мальчик был другой, он не был как все. Врачи это называют “синдромом Аспергера”, проще говоря, лёгкая форма аутизма. Может быть, в медицине она и считается лёгкой и предполагает пусть запоздалое развитие, но высокий интеллект. Но для близких ребенка это, разумеется, слабое утешение. Полковник не хотел верить, что его внук развивается медленнее, чем другие дети, но всё же он не был слепым и прекрасно видел, что мальчик “другой”. Тем не менее, он вызвал бы на дуэль любого, кто посмел бы назвать его внука *дурачком*.

И вот старый с малым улетели к синему морю. Далеко-далеко. Полковник даже мобильник не взял с собой. Он вообще не любил сотовую связь, которая, как считал полковник, ограничивает свободу человека. А баллончик с нитромитом пришлось прихватить. От нитроглицерина невыносимо болела голова, спрей же действовал намного мягче. Пользоваться им посоветовал тот же приятель, зав. отделением из кардиоцентра.

— Ладно, — сказал он на прощанье. — Всё равно тебя не удержать, — и сунул в карман полковнику баллончик. — Когда прижмёт, брызгай под язык. И помни — твой мотор изнашивается и нуждается в капитальном ремонте. Так что веди себя соответственно.

— Как вернусь, сразу к тебе в сервис! — полковник пожал доктору руку.

Сначала он обходился без нитромита. После самолета боли в груди возобновились, а ночью не хватало воздуха, и полковнику казалось, что во сне он забывает дышать. Теперь он пользовался баллончиком пять-шесть раз за день — примерно через каждые два часа. Этого хватало. От активного солнца спасали сосны, а если он купался, то далеко не заплывал. Никаких физических нагрузок. Кроме, пожалуй, того случая с надувным матрацем.

Стояла середина августа, но на пляжах Веруделы было немногочленно. Во-первых, пляжей здесь было с избытком — весь полуостров и близлежащие острова были приспособлены для отдыха — сплошной курорт. Во-вторых, каменистый берег не давал такого комфорта, как пески или мелкая галька, поэтому молодёжь выбирала другие места для отдыха. Так думал полковник, сидя в тени под соснами недалеко от отеля *Brioni*, где они с внуком стали на постой, и наблюдая, как мальчик плавает возле скал в поисках крошечных крабов или тёмно-фиолетовых морских ежей, которых на каменистом дне залива было великое множество, что, между прочим, причиняло купающимся массу неудобств.

Матрац был ярко-красным. На нём плавала девочка лет десяти, приехавшая из Германии, как определил полковник по обрывкам речи, доносившимся до него с пляжа, где на пластмассовых лежаках разместились большая семья. Он видел, как ветер подхватил матрац и быстро понёс его в море. В мгновение ока он был уже возле буйков.

Пока родители успокаивали плачущую дочку, не обращая внимания на уплывающий матрац, к полковнику подбежал мальчик.

— Дедушка, догони! — крикнул он.

И полковник поплыл вдогонку за матрацем. А если не поплывешь, то как тогда объяснить мальчику, что мужчина должен поступать по-мужски? Сказать-то, конечно, можно, да что толку? А в груди жгло, и нужно было брызнуть аэрозоль под язык, прежде чем плыть. Но он не привык раздумывать, он привык действовать.

— Данке шён, данке шён!¹ — благодарили немцы, а полковник, задыхаясь, думал, как бы поскорее добраться до пляжной сумки, где лежал заветный баллончик.

— Аллес гут!² — по-военному коротко ответил он и улыбнулся белыми губами.

Толстый фатер в майке с надписью *Pula* хотел погладить мальчика по голове, но полковник, зная особенности поведения внука, вовремя отвёл его в сторону, приобняв за плечи, — трогать волосы мальчик не позволял никому. Немец мог неправильно понять реакцию ребёнка.

По дороге в отель было припарковано много автомобилей самых разных марок, каких в России и не увидишь, и мальчику было интересно. О машинах он мог говорить без конца. Полковник говорил: “Завёл шарманку”, — но всё же никогда не прерывал внука, поддерживая разговор. Он немало прочитал про синдром Аспергера и знал, что такая сосредоточенность на каком-нибудь предмете — это один из признаков болезни. Как и уникальная память на даты или ещё что-то, к чему ребёнок проявляет особенный интерес. И усиленная жестикуляция. И неумение лгать. И проблемы общения со сверстниками. Всё это замечал полковник у внука и болезненно переживал за него и за его будущую жизнь. Что у него впереди? Пусть он не станет военным, как дед. Или журналистом, как отец. Но кем он станет?..

— Дедушка, — спросил мальчик, дёргая полковника за указательный палец. — Какую бы ты хотел иметь машину?

Он так и сказал: “Какую бы ты хотел иметь машину”. Полковник вздохнул. Дети говорят иначе. Мальчик правильно выстроил фразу, слишком правильно для восьмилетнего ребенка. И это симптом болезни. Как, собственно, и машины — ещё один “пунктик” мальчика. Он знал про них столько, сколько не знал, наверно, в своё время завгар капитан Дьяченко в батальоне полковника.

— Я хотел бы иметь вертолет! — усмехнулся полковник. Ему вспомнилось, как он летел над весенней тайгой на МИ-8 с перевала Дуссе-Алинь в Чегдомын. Сопки были усеяны цветущим багульниковом. Это было тридцать пять лет назад. Он был молоденьким лейтенантом: “Вся жизнь впереди, надейся и жди...” Тень вертолета плыла внизу, огромная, похожая на аллигатора. Потом, в Афгане, МИ-8 будут называть “пчёлкой”.

— Нет. Ты не понял, — повторил внук. — Я говорю, на какой из этих машин тебе хотелось бы ездить?

— Я всю жизнь ездил на “уазике”, дружок. Так что теперь мне поздно мечтать о чем-то другом. Коней на переправе не меняют.

— Каких коней?

— Это я к слову, есть такая пословица.

— Почему?

— Потому что можно утонуть. Будешь перебираться посреди реки с одного коня на другого...

— Я не понял, — сказал мальчик. — При чём тут кони?

Он всё понимал буквально. Никаких айсбергов. Нужно было пояснять переносный смысл сказанного.

— Так говорят, когда хотят сказать, что в решающий момент не следует менять свои привычки, планы, людей. Понимаешь? — полковник пожал мальчику руку.

— Да, — ответил тот и побежал к новенькому “ситроену” с номерным знаком Евросоюза — окружностью из двенадцати золотых звезд на голубой полоске.

Полковник потёр грудь. Сердцу там не хватало места.

Такие дела. Наверно, *маленький принц* был аутистом. И рядовой Горюнов. Он тоже всё понимал буквально. Когда пьяный прапорщик Спивак добавил к обращению “рядовой” обычное для него “...твою мать!”, Горюнов,

¹ Спасибо, спасибо (нем.).

² Всё хорошо (нем.).

не раздумывая, врезал ему в челюсть. Парень был с виду не Илья Муромец, но у прапора случился двойной перелом челюсти. С одного удара. Дело могло обернуться для солдата плохо, но он был сапёром минно-подрывного взвода, и полковник, а тогда лейтенант, вступился за него перед комбатом. Он объяснил, что рядовой буквально понял прапорщика и... не сдержался. Комбат, старый служака, много чего повидавший на своём веку, почесал затылок, крикнул и сказал:

— Орёлики! Не сдержался он!.. Да-а... Оно, конечно, так... случается... А и поделом этому куску-раздолбаю!¹ Но! — он строго поглядел на командира взвода из-под очков, чудом державшихся на кончике солидного командирского носа. — Но! На “губе”² он все-таки посидит. Буквально. Понял, лейтенант?!

— Так точно! — бодро ответил тот.

Такой аутизм был по душе полковнику. И он не стал бы возражать, если бы его внук так же буквально понимал оскорбление в адрес матери и буквально на него реагировал, то есть давал по морде всякому, кому следовало. А в жизни ему встретится немало таких, кому следует дать по морде. В этом полковник был уверен. Потому что знал жизнь не по книжкам и телесериалам. Ему приходилось применять силу, приходилось в Афганистане и на Кавказе стрелять в людей, но он был кадровым военным, он делал то, что требовал от него долг. Потому что понимал свой долг буквально. И он не сбегал из армии, когда зашатались основы, когда страна, защитником которой он служил, оставила его, как оставила когда-то жена. Полковник не держал обиды ни на ту, ни на другую.

*Россия нас не жалует ни славой, ни рублём,
Но мы её последние солдаты...³*

“Аты-баты, аты-баты...” Хорошая песня. И жизнь прошла. И вместо спирта в глотку — нитромит под язык... Время жить и время умирать...

— Жарко — не холодно, — сказал полковник. — Жару перетерпеть можно.

Он достал из сумки баллончик с аэрозолем, брызнул под язык. Боль в груди почти сразу отпустила.

— “...А летом лучше, чем зимой”⁴, — пропел он и объяснил внуку: — Есть такая песня. Хорошая песня. На свете много хороших песен.

— Я люблю горячий свинг⁵, — сказал мальчик, снимая очки для плавания. — Это круто.

— Горячий свинг? Может быть, не знаю.

Перед глазами полковника возник замёрзший вагон. Пожалуй, с минусом за тридцать, потому что снаружи — сорок. По Цельсию. Когда они с прапорщиком Гусейновым обходили купе, шаги гулко отдавались в пустоте, а каждое произнесённое слово, казалось, сейчас упадёт на заиндевелый пол, превратившись в кусок льда. Все солдаты были переведены отсюда в соседний вагон. Он, правда, тоже был заморожен, но нач. штаба принял решение, что дружно — не грузно, а всем вместе будет теплее. Решение было правильное, ночь они пережили.

Это случилось на перегоне Новосибирск — Кемерово. Какой дурак догадался в воинский эшелон поставить проводниками двух молоденьких женщин? Не прошло и пары часов, как к ним в купе образовалась негласная очередь из “стариков”. Про отопление проводницы, разумеется, забыли — и без того стало жарко. Ну, и где-то в районе станции Тайга системы трёх вагонов с личным составом оказались замороженными.

Майор Стрельцов, начальник штаба батальона, рвал и метал. Но рвать и метать было поздно. Что он мог сделать? Состав шёл полным ходом, со-

¹ “Кусок” — прапорщик (жарг.).

² Гауптвахта (жарг.).

³ Слова из песни Сергея Трофимова.

⁴ Песня Булата Окуджавы “А мы с тобой, брат, из пехоты...”

⁵ Свинг — танцевальный стиль.

гласно расписанию поездов, следующих по Восточно-Сибирской железной дороге, к месту назначения — через Известковую на Ургал, а то, что в вагонах с людьми температура упала ниже нуля, никого не волновало, кроме тех, кто сидел в этих злосчастных вагонах. Сам же Стрельцов в одном из них и сидел...

Сидел там и он, полковник, а тогда — безусый лейтенант, командир минно-подрывного взвода отдельного железнодорожного батальона особого назначения. Холод был собачий. Солдатские ремни из кожзаменителя ломались пополам. Офицерские были из натуральной кожи.

Сначала солдаты дурачились, пели бодрые строевые песни под гитару, потом они притихли. Все сидели молча, потому что говорить не хотелось, да и что тут скажешь? А замерзшие вагоны с людьми мчались в глухую сибирскую ночь, и колёса без умолку стучали: тики-так, тики-так, тики-так...

В Красноярске меняли вагоны. Проводники-мужчины раздавали кипяток, и все — офицеры и солдаты — долго привыкали к теплу. Жарко — не холодно, привыкнуть можно.

— Завтра мы улетаем, — сказал полковник. — Бросим в море монетку.

— Зачем?

— Есть такое поверье: если хочешь вернуться к морю, брось в воду монетку. Ты хочешь сюда вернуться? — полковник положил руку на плечо внука и посмотрел ему в глаза. Они были синими, как море за его спиной.

— Да, — ответил мальчик. — Хочу. Но ещё я хочу домой.

Полковник кивнул.

— Правильно. Где бы ты ни был, нужно всегда хотеть вернуться домой.

Он посмотрел на море. Одинокий парус застыл в синеве, на грани между небом и водой. Скоро из залива выйдут яхты, и горизонт заполнится парусами. А пока белел один, как в стихотворении Лермонтова.

*Под ним струя — светлей лазури,
Над ним — луч солнца золотой...*

— Видишь парус? — спросил полковник. — Много-много лет назад в эту бухту вошел корабль аргонавтов.

— Кто это — аргонавты?

— Ты ничего не знаешь про золотое руно?

— Нет. А что это такое?

И полковник стал рассказывать мальчику историю Ясона и его легендарного корабля “Арго”.

— Давным-давно в далёкой стране...

— За морем?

— За морем. Страна называлась Колхида, там, в роцце бога войны Ареса хранилось золотое руно. Помнишь, я говорил тебе об Аресе и его сыновьях?

— Страх и Ужас?

— Да. Так вот, золотое руно охранял огнедышащий дракон...

— От кого?

— От похитителей.

— А зачем его нужно было похищать?

Полковник задумался, как бы объяснить ребёнку основу мифа.

— Видишь ли, — сказал он. — У кого было руно, тому сопутствовала во всём удача. Многим хотелось его заполучить. И за этим руном отправились греки на десятивёсельном корабле “Арго”. Капитаном у них был Ясон.

Мальчик слушал, и полковник, вдохновлённый столь редким вниманием внука, продолжал:

— ...Царь Колхиды поставил Ясону задачу: засеять поле зубами дракона, из которых вырастут закованные в броню воины, их нужно было победить — тогда он отдаст золотое руно.

— Ясон победил?

— Ему помогла Медея, дочь царя. Она дала ему мазь, которая была сделана из корней растения, выросшего на крови бога Прометея, прикованного к скале за то, что он принёс людям огонь. Ну, это я расскажу тебе в другой

раз. И вот Ясон намазался этой мазью, стал очень сильным и победил воинов, выросших из зубов дракона. Правда, коварный царь не отдал ему золотое руно.

— Обманул?

— Да. Но Ясон и Медея всё же похитили руно и убежали от царя. По пути домой у них было ещё много приключений. И вот однажды они увидели этот берег.

— Вот этот? — спросил мальчик.

— Именно этот. Аргонавты поставили корабль в бухту и решили здесь отдохнуть, они ведь сильно устали от погони. Легенда говорит, что тут, в Истрии, Ясон потерял золотое руно.

— Значит, оно и сейчас где-то здесь?

— Возможно.

— А если мы его найдём?

— Тогда ветер удачи будет дуть в наши паруса, — усмехнулся полковник и достал спрей.

— А что было с аргонавтами дальше?

— Ну, представь, как стыдно было аргонавтам возвращаться без руна домой, и они остались здесь. Хорваты считают себя их потомками. А другая легенда рассказывает, как они вернулись в Грецию. Ясон женился на Мееде, у них родилось двое детей.

— И всё?

— Всё, — полковник замолчал.

Конечно, это было не всё. Но полковнику не хотелось рассказывать внуку о том, как Медея убила своих детей в отместку за измену Ясона. Не детский сюжет. Узнает в своё время, как оно в жизни бывает. Полковник подумал об ушедшей от него когда-то давно жене, и как она увезла с собой сына, в котором он души не чаял, но тут же отогнал досадную мысль — он не любил вспоминать эту историю.

“Боинг 737” из аэропорта Пулы вылетел точно по расписанию. Полковнику с мальчиком повезло — на этот раз они сидели впереди и не упирались коленками в кресла переднего ряда, да и обзор был в два иллюминатора.

Не успел самолёт оторваться от земли, как полковник почувствовал в груди сухое жжение. Так обычно начинался приступ — сначала жжение, потом боль. Где он, чудодейственный баллончик? Ага, вот он. Сейчас отпустит. Нитромит не помогал. Полковник закрыл глаза. Боль нарастала. Ладно, подумал он, даже если я потеряю сознание, с мальчиком ничего не случится, как-никак самолёт — наша территория, российская. В аэропорту ждут мать и бабушка. Всё будет хорошо. Аллес гут.

— Вам нехорошо? — словно издали донёсся до него голос бортпроводницы.

Полковник открыл глаза. Девушка протягивала ему стакан минеральной воды. Он взял, поставил его на подлокотник кресла.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Всё в порядке.

— Дедушка, — вмешался внук. — У тебя лицо белое-белое!

— А ты хотел бы, чтобы оно было чёрное? — пошутил полковник. — Я же не негр!

— Афроамериканец! — поправил мальчик.

— Тем более!

Улыбнувшись, бортпроводница отошла к другим пассажирам.

— Смотри! — воскликнул мальчик. — Смотри, внизу горы!

— Ты посмотри на горы, — сказал полковник. — А я немного подремлю. Хорошо?

— Ладно, — согласился мальчик и прижался носом к стеклу.

Полковник откинулся на спинку кресла, снова брызнул под язык аэрозоль. Боль всё усиливалась, она разламывала грудь, вызывая чувство неосознанного страха.

Что это я, думал полковник, чего я боюсь? Смерти? Или я не ходил с ней бок о бок? Помнишь минное поле у Калайи-Нау?.. Как, однако, боль-

но! Неужели сердце так может болеть?.. Ведь в нём нет сейчас ни пули, ни осколка?.. Мины были иранского производства, а наставлены густо и бессистемно — так всегда делали моджахеды... Сколько нам лететь? Четыре часа? Продержусь. А мальчика я не обманул, нет. Я обещал ему, что мы полетим к морю... Далеко-далеко... Где вода чистая, а воздух пахнет соснами. Где на волнах качаются белые яхты, где аргонавты потеряли золотое руно...

Что это за звук? Похоже на свист миноискателя в наушниках... Их тогда было семеро в саперно-подрывной группе. Задача: расчистить площадку четыре метра шириной и восемьдесят длиной. С одной стороны — невысокий полуразваленный дувал, с другой — дорога, и за ней — ручей. Поле как поле — серая земля, камни да колочки... “А до смерти — четыре шага...” Рвануло неожиданно. Звуки исчезли. Словно в немом кино он видел, как капитан Назаренко привстаёт на локтях и смотрит на ноги, которых нет. Правую отхватило по колено, а на месте левой торчала ярко-белая кость, и кровь из съёженной брючины хлестала струей. Вот он что-то беззвучно крикнул, ему бросили ремень, он попытался наложить жгут, но руки плохо слушались, и ремень на бедре не затягивался. Это был шок, и капитан действовал, как будто ему не ноги оторвало, а царапнули перочинным ножиком по мизинцу. Откинувшись на спину, он достал шприц из индикатора и воткнул иглу в культю через штанину...

Они напоролись на “итальянку”¹. Полковник ещё не знал тогда, что осколок противопехотки вошёл ему в спину. Он тоже не чувствовал ни боли, ни страха. Просто не мог двинуться с места и смотрел на происходящее словно чужими глазами.

...Что же теперь так больно? Это и есть смерть? Не вовремя. Впрочем, она всегда не вовремя. Но тут-то уж точно. Умереть на высоте девять тысяч метров? Он усмехнулся. Всё бы ничего, терпеть можно, но откуда это томящее чувство, эта боязнь чего-то неотвратимого, подступающего всё ближе и ближе? Страшит не опасность — страшит неизвестность. Кто там, в темноте? Что ждёт тебя за закрытой пока дверью? И вдруг захочется распахнуть эту дверь. Как тогда в Чернобыле, на станции Вильча, когда он оказался среди добровольцев, вызвавшихся поднимать сошедший с рельсов шестиосный вагон с ядерным топливом. Это было рядом с четвёртым реактором, и они знали, что там радиации — выше крыши...

Неожиданно боль отпустила, и полковнику показалось, что он задремал. Потянулись железнодорожные пути — без конца и без края. Насыпь и рельсы, а людей нет — такая тоскливая картина. И ещё звук — будто забивают в шпалу костыль: удар за ударом, удар за ударом — одинокий, нескончаемый и одновременно прерывистый звук в пустом пространстве. Наконец, за холмами заблестела синева реки. Он увидел себя маленьким мальчиком на берегу, с удочкой в руке. Солнце садится за лесом. Тихо-тихо. На воде застыл красный поплавок. Мальчик смотрит на него, смотрит, а поплавок не шелухнётся. Как будто во всём мире нет движения. И время остановилось.

— Пристегните ремни! — услышал полковник сквозь дрему голос проводницы.

Ага, подумал он, значит, идём на посадку! Неужели прошло четыре часа?

— У меня уши закладывает! — пожаловался внук.

— Потерпи, — ответил полковник. — Это недолго. Мы уже прилетели. Всё хорошо. Сейчас увидишь маму. Ты соскучился по ней? Конечно, так и должно быть. Ну, что ты? Открой рот, вот так, а теперь глотни. Лучше? Терпи. Будь мужчиной.

Полковник разжал левую руку, и из неё выпал баллончик. Баллончик лежал на полу у самых ног, но полковнику страшно не хотелось нагнуться, чтобы поднять его.

¹ Противопехотная мина итальянского производства (жарг.).